

ПРОЛОГ

Я выхожу из автобуса, держась за спинами людей и натянув капюшон толстовки пониже. На улице еще несколько метров иду вместе с толпой, а потом украдкой оборачиваюсь. Сразу ловлю в фокус темно-русую макушку, она движется в другую сторону. Значит, и мне туда. Меняю направление и слеую за парнем на приличном расстоянии.

Ваня. Ванечка. Мысленно смакую его мягкое имя. Куда же ты идешь?

Шагает уверенно и решительно, но все же чуть припадает на левую ногу. То ли бережет, то ли еще не восстановился. Мое бедное влюбленное сердце колотится гулко и болезненно. Так откровенно я за ним еще никогда не следила. Наверное, это стыдно — то, что я сейчас делаю?

Мы идем безлюдными дворами, откуда тянет безысходностью и откровенной хтонью. Я передергиваю плечами, район сильно неблагополучный. Что же тебе тут нужно, Громов?

А когда вынырываю из-за угла ободранной пятиэтажки, наконец, понимаю. Стадион. Небольшое, выдавшее виды футбольное поле с потасканным искусственным газоном. Я даже отсюда вижу, какой он жесткий, и болезненно морщусь. Он что, тренироваться собрался?! Ему же запретили.

Останавливаюсь за кустом и смотрю, как парень проходит мимо охранника, перебрасываясь с ним парой фраз, и идет к невысокому зданию, поправляя лямку рюкзака.

Нервно обкусываю кожу на указательном пальце. Пытаюсь продышаться, чтобы успокоить пульс. Топчусь под кустом еще минут десять, а потом вижу его синюю форму. На ее фоне Ванины глаза становятся пронзительно-голубого цвета. Я это знаю. По правде говоря, я все о нем знаю. Даже то, что сегодня он наврал своей девушке и уехал в это богом забытое место.

Ваня лениво начинает с беговых упражнений, а я закусываю губу и перевожу взгляд на охранника. Тот, будто чувствуя мой посыл, достает что-то из стола, кажется, пачку сигарет, и выходит из сторожки.

Времени как следует подумать и принять осознанное решение у меня нет. Я бегу, как подстреленный заяц. Делаю крюк, заходя с другой стороны, а потом перемахиваю турникет, пока охранник не смотрит. Почти не дыша, беру курс на Громова. Он замечает меня, только когда я, запыхавшись, останавливаюсь за его спиной.

Резко оборачивается, смотрит изумленно:

— Гелик?

От тупого прозвища хочется поморщиться, но я себе этого не позволяю. Складываю руки на груди и спрашиваю:

— Тренируешься?

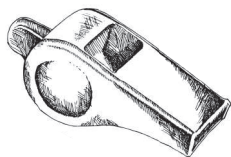
Парень тут же занимает оборонительную позицию:

— А что? Доложишь моему отцу? Или своему?

Игнорирую обидный выпад и говорю, не успев подумать:

— Нет. Я...я могу тебе помочь.

ГЛАВА 1

За месяц до

Ангелина

Нетерпеливо ерзаю на стуле, поглядывая на часы. Потом привстаю и в сотый раз поправляю салатницу.

— О, Энж, так намного лучше! — соорюив максимально серьезное лицо, тянет мой брат.

И хоть я всегда ощущаю его как свое собственное сердце, которое волей судьбы бьется в чужом теле, все равно протягиваю руку и толкаю его в плечо:

— Остряк!

— Да успокойся ты. Все идеально, Громовы будут в восторге.

— Да мне вообще пофиг, — повожу плечом и кончиком пальца вытираю соус с широкого блюда.

Слышу, как брат выразительно фыркает, и снова тянусь к нему, чтобы ущипнуть, но он уворачивается.

Тогда я хмурюсь и сверлю его взглядом:

— Бо, зачем бесишь меня?

— Хотел отвлечь. Получается?

Богдан подходит, крепко обнимает меня и целует в лоб. Я расслабляюсь и доверчиво прижимаюсь щекой к его груди. Мы очень похожи, как и положено двойняшкам, но разница в росте у нас приличная. Вздыхаю и говорю ему в футболку:

— Получается. Папа где?

— Баню пошел проверять.
— Будешь париться?
— А ты? — спрашивает он так, будто имеет в виду не баню.

И я подтверждаю:

— Уже парюсь, Бо.
— Я заметил.

Снова вздыхаю, и мы расцепляемся. Я смотрю в его глаза, так похожие на мои собственные. Богдан чувствует, что я беспокоюсь, и сам начинает волноваться, у нас так всегда.

— Давай, Энж, веселее. Ты умничка, все приготовила, уверен, что это безумно вкусно. И это же не первые наши посиделки, они всегда тебя хвалят.

Я киваю. Папа с Громовым-старшим знаком с универа, и мы уже сто лет дружим семьями. И примерно столько же времени я влюблена в Громова-младшего. Безнадежно. Но я точно знаю, что это временно. Хотите — верьте, хотите — нет, но я выйду за него замуж, надо только правильно разыграть все карты. Этим я и занимаюсь последние четыре года. Мне просто нужно все спланировать. Во-первых, не показывать свою симпатию. Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей, и все такое. Это работает и с парнями тоже, поэтому со стороны может показаться, что с Ваней мы в контрах.

Но это моя стратегия, и я уверена в ней. Брат, конечно, считает иначе, но стоически молчит. Он знает, что переубеждать меня бесполезно, так что просто старается подерживать. Моя вторая половинка, моя любовь, моя душа. Так я думаю, пока он не хватает меня больно за нос.

— Ай! Бо, сдурел?!

— А чего ты залипла? — он смеется. — Отмирай, Энж, тачка подъехала, пойду, ворота открою.

Я снова киваю и критически оглядываю стол. Все действительно идеально. Ну, насколько может быть. Наша дача, конечно, уступает загородному дому Громовых, но мы сильны в другом, в уюте, так мне нравится думать. По крайней мере, они всегда приезжают с удовольствием. Им здесь хорошо, я это точно знаю.

Вытираю ладони о спортивные штаны и выглядываю из окна, успеваю заметить, как черный мерин заезжает к нам во двор. Ну все, они тут. Впереди целый вечер рядом с Ваней, разве это не счастье?

Повесив на лицо ледяную маску, я медленно выхожу на веранду. Прислонившись к косяку, наблюдаю, как семейство Громовых покидает свою шикарную тачку. Татьяна Николаевна галантно подает руку мой папа. Она, как всегда, выглядит прекрасно. Идеально выглаженный спортивный костюм, гладкий темный хвост, легкие штрихи косметики и какой-то особый сытый лоск. Я ею восхищаюсь, если честно.

— Геля, здравствуй, — мягко говорит Татьяна Николаевна, и я, наконец, отмираю.

— Здравствуйте, — улыбаюсь широко и бойко.

— Как дела?

— Шикарно! — бросаю угрожающий взгляд на брата, который явно веселится. — Как вы доехали?

— Да тут же недалеко, — она обхватывает мое лицо ладонями, — такая красавица стала, просто слов нет. Каждый раз поражаюсь!

Я смущаюсь и против воли кошу взглядом на Ваню. Он поднимается по деревянным ступеням и скидывает кроссовки, на меня не смотрит. Ну ничего, Громов, погоди. Ты еще влюбишься.

Татьяна Николаевна касается пальцем моего лба и говорит:

— Не хмурься, Геля, иначе придется к косметологу обращаться.

Я улыбаюсь ей, мягко высвобождаюсь из объятий и следую, как намагниченная, за Ваней. Смотрю на его темную макушку и широкие плечи, обтянутые белой футболкой. Наверное, это то, что я вижу чаще всего. Его спину.

— Здраваться не учили, Ваню?

— Предъяви моей маме за воспитание, — он с ухмылкой разворачивается ко мне и протягивает ладонь, — здорово, Гелик.

Ехидно улыбаюсь и подаю руку в ответ, выворачивая так, будто ожидаю поцелуя в кисть.

Громов хмыкает, приобнимает меня и чмокает в щеку. Я замираю, окутанная его теплом и запахом. Застигнутая врасплох, едва успеваю мазнуть губами по его подбородку. Каждое наше приветствие и прощание я всегда использую на полную катушку, потому что случаются они не так часто. В школе Ваня обычно ограничивается кивком или взмахом руки. И я никогда не чмокаю воздух рядом с его лицом, как часто делают девчонки. Всегда жажду прикоснуться к его коже. Маленький контакт, ничтожный, но он мой. Все эти моменты я берегу и складываю в специальную коробочку памяти. Или, вернее, чулан, погреб, огромное подпольное помещение.

Быстро беру себя в руки по отработанной годами привычке. Машу в сторону стола:

— Садись, места и так мало.

Громов кивает и усаживается на один из разномастных стульев. Давлю вспышку стыда, у них ведь дома все до последней детали подобрано. Надо бы уйти, чтобы помочь его родителям раздеться. Но там уже папа с Бо, так что я позволяю себе маленькую слабость, спрашиваю:

— Как жизнь футбольная?

Он стреляет глазами в сторону веранды:

— Да нормально. Играем. Ты ж знаешь все, тебе Богдан разве не рассказывает?

— Но я ведь про тебя спрашиваю, — теряю уверенность и зеркалю его взгляд в сторону входа, проверяю, далеко ли его отец.

Ваня пожимает плечами, но я вижу, что равнодушие напускное:

— В порядке все.

Я киваю и уже разворачиваюсь, когда слышу:

— Ну, есть одна тема.

— Какая?

Моментально ловлю эту секунду тихой и случайной его откровенности, почти молюсь, чтобы гости еще хоть немного задержались на пороге.

Он молчит и, не сдержавшись, я тороплю его:

— Какая тема?

— Есть инфа, что на одну игру придет скаут, — нехотя поясняет Громов, и к концу фразы его голос глхнет, будто он уже жалеет, что рассказал мне.

— На какую?

— Гелик, ты как бульдог.

— Просто любопытная.

Сразу же беру на себя уже привычную роль безразличной веселой девчонки. Словно мне нет дела до Вани и всех подробностей его жизни. Хотя каждую из них я ловлю с жадностью, как участник марафона с пересохшим горлом, который видит воду. Не глядя на парня, деловито двигаю тарелки на столе, пока в комнату не заходят все остальные — старшие Громовы, Бо, и наш папа, который маячит за их спинами.

Начинаю суетиться, хотя это бессмысленно, потому что у каждого из них уже есть свое место за столом. Они всегда садятся на одни и те же стулья. Это выверено годами.

Так что я быстро сдаюсь, отступаю в сторону и жду, когда все рассядутся.

— Ну развлекайтесь пока, — говорит Бо, и в его голосе, как всегда, сквозит какая-то неуловимая ирония, — мы за мясом сходим.

Брат берет меня под руку и увлекает за собой. Он тянет сильнее, чем должен, так что я путаюсь в ногах и едва успеваю за ним.

— Ты чего меня как ребенка тащишь? — пыхчу возмущенно уже в коридоре.

— А ты сильно взрослая?

— Такая же, как ты, — парирую я.

Он самодовольно улыбается:

— Я старше на пятнадцать минут.

— Бо, не драконь меня!

Оборачиваюсь через плечо, на самом деле думая только о том, что сказал Ваня. Мне катастрофически не хватает подробностей. Что за скаут, из какой команды, он будет смотреть только Громова или всех? И почему Бо мне об этом не рассказал?

— Энж, тебе не надоело? — вдруг интересуется брат.

Смотрит на меня пронизывающим взглядом. Конечно, он все обо мне знает, как и полагается моей настоящей второй половине. Но, наверное, даже он не в курсе, насколько глубоко я увязла. Иначе не задавал бы таких вопросов.

— Ты чего меня лечишь? Пошел за мясом, так иди.

Он тяжело вздыхает и целует меня в лоб. Кажется, мы еще никогда всерьез не ругались, а вот бесконечные добродушные перепалки — это по нашей части.

Потом Бо отстраняется и смотрит на меня, прищурившись, и я прекрасно знаю, что он хотел бы сейчас сказать. Но он молчит. И за это я безмерно ему благодарна.

Так что мы просто идем к мангалу и забираем мясо, которое он заботливо оставил греться.

Брат несет большое блюдо с шашлыком, я гашу свет над баней, подбираю спички, нож и все, что Богдан разбросал в радиусе пяти метров.

Все это время недовольно ворчу:

— Послали небеса братца. Когда-нибудь ты женишься, и твоя жена тебе жопу оторвет за такое отношение к порядку.

— Порядок? — он делает непонимающий вид. — Это что такое?

— Вот именно, дурачина.

— Позволь напомнить, что дурачина вчера за контрольную по алгебре пятерку получил, в отличие от...

Не дожидаясь продолжения фразы, отвешиваю ему безобидный тычок под ребра.

— Ай! Энж, ты садист чистой воды.

— Неправда, я вообще котик!

Беззлобно переругиваясь, мы возвращаемся в дом. Уже когда скидываю кроссы на веранде, чувствую, как по телу проходит легкая нервная дрожь. Так всегда бывает, когда рядом Громов. Но за долгие годы я привыкла держать себя в руках. Улыбаясь так неотразимо, как только могу, иду за Богданом в зал. Сначала помогаю брату пристроить блюдо на столе и только потом смотрю на Ваню. Он увлеченно строчит сообщение в телефоне.

Наверняка, *ей*.

Но одних догадок мне мало. Поэтому я обхожу стол, тянусь за салфетками, которые лежат за спиной Громо-

ва на старом серванте, доставшемся нам от бабушки. Бросаю быстрый взгляд на дисплей Ваниного телефона. Бум. Сердце бьется в горле. Бум. Разве ты не этого хотела? Бум. «Алена» и ♥ разрывают мое собственное сердечко в клочья. В очередной раз. Далеко не в последний, я точно это знаю. Бум. Принимай последствия своего любопытства, Ангелина.

Со стеклянным взглядом и прилипшей к лицу улыбкой кладу салфетки на стол и сажусь на свое место. Беру шашлык и какие-то овощи, но такое ощущение, что пищевод сузился до диаметра карандаша, при всем желании не смогла бы протолкнуть туда хоть что-то.

Встряхиваю светлыми волосами, на укладку которых потратила тридцать минут, и бойко включаюсь в беседу:

— Кого подписали, Вадим Антонович?

— Геля, — с мягкой укоризной говорит папа.

Ванин отец, напротив, со вкусом смеется, откинувшись на спинку стула. Поднимает бокал вина и указывает им в мою сторону:

— А Гелик надежды не теряет, каждый раз выведывает подробности.

Я морщу нос и улыбаюсь:

— Природное любопытство, Вадим Антонович! Больно работа у вас интересная.

— Главное, прибыльная, — он беспечно смеется, но я уже знаю, что эта шпилька, которая кажется ему безобидной, направлена в адрес нашего папы.

Тот добродушно улыбается:

— Когда-то, Вадик, для тебя это не было главным.

— Времена меняются, Гош.

Папа кивает и тянется к нему бокалом. Они чокаются и переглядываются как-то по-особенному. Всегда так

делают. Как будто ведут какой-то молчаливый диалог. Это неудивительно, таких, как папа и Вадим Антонович, обычно называют «заклятые друзья». Бесспорно, близкие, но словно всегда немного соперничают. Не знаю только, в чем, если Ванькин отец — футбольный агент, а наш — тренер. Хитрость и деньги против почти бескорыстной самоотдачи.

Я машинально оглядываю родителей Громова, уделяя особое внимание их одежде. Выглядят дорого. Даже не смотря на то, что приехали на дачу. На секунду поджимаю губы, расстроена тем, что все-таки немного им завидую.

Поворачиваюсь к Бо в поисках поддержки, и он, как всегда, чувствует. Ободряюще улыбается и сжимает мой локоть.

— Вань, вылез из телефона, будь добр, — говорит Вадим Антонович, и сейчас я рада стальным ноткам в его голосе.

Громов-младший закатывает глаза, но смартфон откладывает. Наконец-то.

Переживет твоя Алена без бесконечных сообщений.

— Как, пацаны, ваши дела? — интересуется папа, с аппетитом уплетая шашлык.

Бо со смешком говорит:

— А то ты не знаешь.

— Да знаю, конечно.

— Да все кайф, пап.

— Богдан, тебе вечно все кайф.

Брат широко улыбается:

— Мое жизненное кредо.

Папа качает головой и переключается на Ваню:

— А у тебя, боец?

Все за столом поворачиваются и смотрят на Ванькиного отца. У того лицо будто покрывается коркой льда. Но он молчит, вижу, сдерживается.

— Да в порядке все, — Громов-младший расхлябанно откидывается на стул и криво улыбается, — тренируемся, играем, результаты вы и так знаете, все в одном котле варимся.

— Да, к слову о котле, я слышал, посмотреть вас кое-кто собирается?

Я почти забываю о том, что нужно дышать, и бросаю быстрый взгляд на Ваню. Вряд ли ему сейчас позавидуешь. Па не хотел конфликта, но он как будто все время забывает о Вадиме Антоновиче. Не специально же он это делает?

— Ну, придут, — нехотя подтверждает Громов-младший.

— Придут дать ложные надежды, — усмехается его отец.

— Пап, давай не будем.

— Да не будем, конечно, Вань. Скоро это все закончится.

— Пап!

Громов-младший с громким стуком впечатывает вилку в стол, хотя, я уверена, готов швырнуть ее в кого-нибудь.

— Парни, — торопливо и примиряюще бормочет наш папа, — парни, давайте-ка стоп. Тань, как там твой магазин, расскажешь?

Она тут же с готовностью включается:

— Ой, вообще все прекрасно. Сегодня была съемка новой коллекции, мы первый раз работали с фотографом такого уровня, ой, ты бы его видел!

Татьяна Николаевна воодушевленно рассказывает, а я смотрю на Ваню. Наблюдаю, как его аккуратные тем-

но-русые брови стремятся друг к другу, образуя сердитую складку. Он уставился в тарелку, и я безнаказанно могу сползти взглядом на его прямой нос, минуя едва-едва заметную горбинку. И на свою любимую родинку над верхней губой, которая чуть тоньше нижней, но зато так красиво изогнута. Господи, как бы мне хотелось просто прикоснуться, просто немного потрогать все, что я изучала украдкой все эти годы. Ощувив, как тоскливо сжимается моя грудная клетка, я вдруг пугаюсь, что смо-
трю на Ваню слишком долго.

Торопливо опускаю взгляд и пытаюсь уловить, о чем говорят за столом. Хватаю за хвост последнюю фразу и включаюсь со свойственным мне азартом. Я это умею, я в этом профи. Но кто бы знал, как мне в этот момент больно.

— Проснулась, принцесса? — насмешливо интересуется брат, остановившись в дверях нашей спальни.

На нем только домашние шорты, волосы влажные после душа, а я смотрю на него и пытаюсь понять, каким образом он поднялся раньше меня, еще и успел помыться.

— Сегодня какое-то краснокнижное животное померло? — выдаю хрипло, натягивая одеяло на лицо.

— Чего?

— Того. Ты чего подорвался так рано?

— Так это не я. Это ты проспала.

Я резко сажусь в постели и шарю вокруг руками в поисках телефона. Прospала?! А собраться? А накраситься? У нас с Громовым сегодня два урока в соседних кабинетах, как я буду выглядеть?

Ору:

— Бо, ты издеваешься?! Ты не мог меня разбудить?

А когда наконец нахожу смартфон, вижу, что мой будильник еще даже не успел прозвонить. Впиваюсь ненавидящим взглядом в брата.

Он приподнимает брови:

— А, ты не проспала? Значит, я что-то перепутал.

— Ты идиот.

— Не рычи, Энж. Бессонница мучила, встал в шесть, пошел купаться.

Поднимаюсь с постели и злобно ворчу:

— Бессонница его мучила. Ты что, блин, поэт?

— Ага. Дети, в школу собирайтесь, петушок пропел давно. Устраивают такие стихи?

— Иди ты, — бросаю через плечо, направляясь в ванную.

Хлопаю дверью и смотрю на себя в зеркало. Поправляю взлохмаченные светлые волосы, выпячиваю вперед губы. Верхняя тоньше нижней, почти как у Громова. Но в его случае об этом знаю только я, потому что слишком пристально его разглядываю, а у меня это очень заметно. Когда будет можно, я обязательно ее накачаю у косметолога, а пока приходится просто подкрашивать чуть выше контура. Трогаю пальцем нос. Он кажется достаточно аккуратным. Да и вообще я симпатичная, разве нет? Почему же я тогда ему не нравлюсь?

По привычке торможу эти мысли. Ни к чему хорошему я обычно в финале не прихожу. По утрам — тем более.

Принимаю душ, сушу волосы, вытягивая их круглой расческой, а сверху прохожусь утюжком. Вот бы купить крутой фен, который сразу укладывает, и чтобы можно было делать локоны. Но он, конечно, слишком дорого стоит для нас.